

Е Сяои был на грани нервного срыва. Только-только закончился его трехлетний траур по родителям, и если теперь из-за государственной смуты экзамены снова отложат, ему останется лишь написать предсмертную записку.

Мо Юэ, глядя на его полное безнадёжности лицо, не удержался от мягкой усмешки:

— Не переживай, никакой войны не будет.

Е Сяои резко повернулся и тупо уставился на него:

— Это еще почему? Ты что, можешь управлять войной?

Они там, по-твоему, зря потратили прорву казенных денег и собрали стотысячное войско? Просто так, чтобы погромить оружием на расстоянии да поиграть в бирюльки? У них наверняка есть четкая цель.

Мо Юэ развернул на столе подробную карту, нарисованную от руки, и указал на нее пальцем:

— Смотри, вот Луковые горы. Именно здесь сейчас сосредоточена стотысячная армия жунов. Это ключевой проход, связывающий наши земли с Персией и Индией, главная артерия Великого шелкового пути. Варвары, очевидно, нацелились именно сюда, желая прибрать к рукам всю торговлю. Однако здешние места невероятно суровы. Здесь сходятся величайшие горные системы: Тянь-Шань, Куньлунь и Гималаи. Дороги тут петляют, ущелья тянутся бесконечной чередой. Такое бездорожье изнурит и погубит даже такую огромную армию еще на подходе.

Тут до Е Сяои дошло:

— Стык трех высочайших горных систем мира? Так это же Луковые горы! Послушай, на местном наречии «Памир» как раз и означает «Крыша мира». Пытаться обойти или перевалить через эти неприступные хребты — чистой воды самоубийство. Абсолютно невыполнимая задача! Как этим жунам вообще пришло в голову двинуться на нас таким безумным путем?

Мо Юэ тихо рассмеялся:

— Памир? И откуда только ты знаешь персидские слова? Впрочем, план их действительно напрочь лишен здравого смысла. Я пока не получил точных сведений о том, какое именно племя подняло это стотысячное войско, но они, похоже, рассуждают по-детски: раз караваны Шелкового пути преодолевают эти горы, перевозя товары из Западного края в Персию, то и регулярная армия пройдет без труда. Они жестоко ошибаются. Торговцы никогда не везут груз от коридора Хэси до самой Персии в одиночку. От начала Хэси до заставы Юймэнь идет одна группа, от Юймэнь до Луковых гор — другая, а за перевалом товар забирает третья. Это похоже на муравьиную эстафету: местные жители перевозят грузы на короткие расстояния,

путь занимает от силы пару месяцев, а прибыль выходит огромной. Армии же придется совершить колоссальный переход в полном составе. Чтобы обогнуть хребты с севера и выйти к заставе Юймэнь, им потребуется года два. За это время они попросту растратят все припасы и вымрут от голода.

Е Сяои недоуменно нахмурился:

— Тогда какого черта император так паникует? И что мне писать в экзаменационном сочинении по военной стратегии? «Просто ждите»?

Мо Юэ слегка щелкнул мальчика по лбу:

— Ты думаешь, в столице каждый второй, подобно мне, водил караваны, бывал в Западном крае и собственными глазами видел уходящие в самые небеса пики Луковых гор?

В древнем трактате «Книга гор и морей» сказано, что гора Бучжоу — единственный путь, по которому смертный может подняться в обитель богов. Там царит вечная стужа и никогда не тает снег. Луковые горы точно такие же: ледяной ветер пробирает до костей, а вершины скрываются в заоблачной вышине, словно подпирая сам небесный свод.

Любой, кто хоть раз бывал в Луковых горах, сразу поймет, какая незавидная участь ждет эту стотысячную ораву. Беда в том, что среди придворных чиновников едва ли найдется пара человек, забиравшихся в эти суровые края. Но даже если кто-то и бывал там, они не понимают разницы между торговым караваном и движением регулярной армии. Они рассуждают просто: раз купцы проходят, значит, и солдаты пройдут. Им невдомек, что караванчики — это кочевники, которые живут в тех краях, и для них переход — лишь короткая поездка от одного стойбища к другому. Ни один безумец не станет тащить груз от начала и до конца в одиночку.

— Получается, — резюмировал Е Сяои, — и те, кто нападает, и те, кто обороняется — круглые дураки?

«Допустим. И что мне тогда написать в трактате? «Ваше Величество, не будьте идиотом и не поддавайтесь панике»? Боюсь, экзаменаторы этого не оценят. Словосочетание «стотысячное войско» звучит слишком угрожающе. Если я предложу правительству сидеть сложа руки, они непременно возразят: «А если что-то пойдет не так, ты головой отвечать будешь?»»

Мо Юэ согласно кивнул:

— Именно так. В своей работе тебе стоит сделать упор на стратегию ведения войны малыми силами против превосходящего противника. Проанализируй, как поведут себя тибетцы, тюрки и уйгуры, если империя решится на крупный военный поход. Эти хищники только и ждут момента, чтобы поживиться за наш счет, пока мы увязнем в бесплодных горах. Даже если ты упомянешь, что бесконечные перевалы Луковых гор способны похоронить вражеское войско, не пиши об этом как о единственном спасении.

Вдруг общая численность жунов превышает двести тысяч, а этот авангард — лишь первая волна? Даже если половина их сгинет в ущельях, уцелевшие перекроют Шелковый путь, выйдут к заставе Юймэнь и создадут прямую угрозу столице. Тебе нужно детально расписать, как укрепить границы и распределить посты, чтобы не оставить врагу ни единого лаза.

Е Сяои снова растянулся на постели и принялся бубнить себе под нос, набрасывая устный план ответа:

— О том, как побеждать меньшинством, писать несложно. Завтра же пролистаю военные трактаты, выберу несколько классических сражений, подведу под них тактическую базу — для префектурного экзамена этого хватит с головой. А вот насчет реакции соседей... Если наши войска уйдут на запад, воинственные уйгуры и тибетцы непременно вцепятся мертвой хваткой в Западный край.

Эти чужаки уже не раз зарились на западные рубежи. Стоит империи оголить тылы, как они тут же приберут к рукам лакомые земли. Тогда мы окажемся в кольце врагов. Впрочем, у мелких сошек вряд ли хватит сил пошатнуть основы государства. Неужели династия Мо-Сяо так легко падет под их натиском?

Внезапная догадка заставила его подскочить на месте:

— Стой! Я совсем забыл про тебя! Чем ты вообще занимаешься все это время? Неужели планируешь улучшить момент, прикончить императора и занять трон?

Разминавший ему плечи Мо Юэ замер. Он посмотрел на Е Сяои с самым невинным видом, хотя внутри все перевернулось: как этот паршивец умудрился разгадать его замысел?

Какая к черту выгода третьего лишнего при споре рыбака и птицы? Его план был куда тоньше — разыграть классическую партию, где богомол охотится на цикаду, не ведая о притаившейся позади иволге. Когда все стороны истощат свои силы, а его Форт Орла окончательно окрепнет, он одним махом раздавит зарвавшихся соперников и расширит границы государства. Мо Юэ держал эти мысли в строжайшем секрете, но этот малый читал его разум как раскрытую книгу.

Е Сяои снова рухнул на подушки и, прикрыв глаза, лениво протянул:

— Слушай, Мо Юэ, если ты все-таки сядешь на трон, ты меня не убьешь? По закону ты до сих пор числишься моим рабом. Может, мне стоит сходить в управу и освободить тебя от крепостной зависимости, пока не поздно?

Мо Юэ возобновил массаж и негромко рассмеялся:

— Не нужно. Мне нравится, что наши имена записаны в одной семейной книге. Это согревает

душу.

Е Сяои приоткрыл один глаз, подозрительно косясь на него:

— А то, как я над тобой издевался, ты, конечно же, забудешь?

«Очень надеюсь, что забудешь! А если и помнишь, то не держи зла, будущий Ваше Величество...»

Вместо ответа Мо Юэ принялся нещадно щекотать его:

— Забуду? Как бы не так! Стоило мне переступить порог твоего дома, как ты лишил меня мяса, заставил батрачить и обозвал чужим именем! Даже деньги на покупку твоего Сяо И заработал я сам, а ты после этого без зазрения совести сослал меня в море! И когда я, истосковавшись, вернулся под личиной Цзи Тяня, ты меня еще и обругал! Какой же ты все-таки невыносимый... Ну-ка, получи!

Е Сяои с хохотом катался по постели, пытаясь увернуться от длинных рук семнадцатилетнего юноши. Навалившись сверху всем телом, Мо Юэ прижал его к матрасу. В пылу борьбы Е Сяои вдруг вскрикнул — чужие пальцы случайно скользнули туда, куда не следовало...

У Е Сяои едва волосы дыбом не встали. Густо покраснев от смущения, он сердито процедил сквозь зубы:

— А ну слезь с меня!

Мо Юэ лишь вызывающе усмехнулся, явно наслаждаясь замешательством парня:

— И не подумаю!

— Ах ты... негодник! — Е Сяои не нашел подходящих ругательств и просто брыкнул его ногой, затеявая ответную потасовку.

Они шумно возились на кровати, тесно прижимаясь друг к другу. Ощувив непривычный жар, Е Сяои вспыхнул до ушей. Почувствовав жуткую неловкость, он изо всех сил попытался отпихнуть парня.

Мо Юэ победоносно ухмыльнулся:

— Позволь старшему брату преподать тебе пару жизненных уроков.

— Обойдусь! — огрызнулся Е Сяои и, решив отплатить той же монетой, ловко нацелился прямо в уязвимое место соперника.

В конце концов их возня переросла во что-то большее, и в самый ответственный момент Е Сяои не выдержал и тихонько всхлипнул.

Мо Юэ замер в крайнем изумлении:

— Надо же... Я и подумать не мог, что у тебя это... в первый раз.

Осознав, что для его маленького спутника это было настоящим посвящением в мужчины, Мо Юэ мгновенно растерял всю свою игривость. С нежностью и заботой он привел Е Сяои в порядок, напоил теплой сладкой водой и укутал потеплее, давая ему спокойно уснуть.

В подобных делах Мо Юэ был куда опытнее и прекрасно понимал: стоит только начать. Поздним вечером он снова бесшумно проскользнул в спальню Е Сяои, намереваясь проявить максимум заботы.

Увидев его, Е Сяои густо покраснел от стыда и замахал руками:

— Да иди ты отсюда! Подумаешь, великое событие, у всех так бывает! Нечего так навязчиво лезть ко мне со своей заботой, ясно? Я хочу взрослеть в тишине и одиночестве!

Мо Юэ тихонько рассмеялся, и в его груди послышался низкий рокот:

— Хорошо-хорошо, расти себе на здоровье в гордом одиночестве. Но если почувствуешь недомогание — сразу скажи учителю. Завтра я сварю тебе укрепляющий отвар.

И действительно, на следующее утро он преподнес Е Сяои целебный суп для восстановления сил.

Бабушка Е, едва взглянув на ингредиенты, сразу обо всем догадалась. Она весело рассмеялась и велела любимому внуку не смущаться — мол, оба ее сына в свое время проходили через это взросление.

Понимая, что внезапная буря гормонов может лишить его сил и ясности ума перед важным испытанием, Е Сяои послушно выпил суп до последней капли.

Мо Юэ наблюдал за ним с хитрой улыбкой. Под этим пристальным взглядом Е Сяои чувствовал себя крайне неловко и мечтал провалиться сквозь землю. Понадобилось два дня затворничества, чтобы парень наконец вернул себе прежнюю невозмутимость и напускную развязность. Сделав вид, будто ничего особенного не произошло, он снова принялся

подначивать Мо Юэ, капризничать и откровенно валять дурака.

Видя, как ладят эти двое, бабушка Е не могла нарадоваться. Внук рос без отца, и присутствие рядом такого надежного, умудренного опытом «старшего брата» давало ему надежную опору. Сама пожилая женщина часто переживала, что не сможет дать юноше должного мужского воспитания. Именно поэтому она изо всех сил поощряла их дружбу и старалась держать Мо Юэ поближе к Е Сяои.

Три дня пролетели незаметно, и пришло время отправляться в экзаменационный павильон префектуры Янчжоу на экзамен.

Народу здесь собралось несметное множество — съехались соискатели со всех уездов префектуры. Если во время уездных испытаний Е Сяои видел у ворот управы от силы несколько сотен человек, то теперь перед ним колыхалось настоящее море голов. Меньше нескольких тысяч тут точно не было.

При мысли о том, что ему предстоит обойти всю эту толпу и занять первое место, Е Сяои ощутил невольный мандраж.

«Ладно, будь что будет, — философски рассудил он. — Мое дело — выложиться на полную и пробиться как можно выше в списке. Если не удастся взять первенство, просто подкуплю главного экзаменатора, чтобы получить квоту на провинциальный экзамен».

Перед началом первого тура Е Сяои и лучшие выпускники уездных экзаменов удостоились чести предстать перед самым главой префектуры Янчжоу для личной беседы.

Префект Янчжоу оказался человеком суровым, лишенным добродушия уездного судьи. Тем не менее он старался держать себя вежливо. Проверив базовые знания собравшихся, чиновник напутствовал их короткой речью, суть которой сводилась к простому совету: трудитесь прилежно, таланты не останутся незамеченными, и каждого достойного ждет высокое покровительство. Но упаси вас небо от попыток жульничать, устраивать беспорядки или ввязываться в чужие интриги.

Войдя в экзаменационный павильон, Е Сяои обнаружил, что всю их группу лучших учеников разместили вместе. Из-за огромного наплыва кандидатов павильон разделили на четыре сектора. В трех из них стоял невообразимый гвалт, и лишь в их секторе под литерой «Небо» царила абсолютная, торжественная тишина. Сразу чувствовалось, что здесь собрались люди почтенные и благовоспитанные.

Поскольку Е Сяои прибыл из глухого и бедного уезда, ему досталось место под номером триста пятьдесят семь.

Очередь на личный досмотр двигалась черепашью шагом. Простояв больше часа, парень обнаружил, что хвост толпы вытянулся далеко за ворота. Чтобы не скучать, он достал припасенные семечки и принялся с любопытством наблюдать за тем, как обыскивают кандидатов из соседнего сектора.

Правила префектурного экзамена были строги: кроме личного пропуска, внутрь запрещалось проносить что-либо. Письменные принадлежности, еду, воду, постель и даже лекарства выдавали на месте. Разумеется, и плата за право участвовать в испытании была из-за этого грабительской.

Соискатели из сектора под литерой «Земля» проявляли поистине чудеса изобретательности. Один ухитрился исписать шпаргалками подошвы туфель, другой нацарапал священные тексты прямо на бедрах. Кто-то умудрился запрятать свитки в подкладку широких рукавов, а кто-то вплеп записки прямо в прическу. Е Сяои едва сдерживал смех, глядя на эти отчаянные ухищрения.

Стражники безжалостно раздевали несчастных догола, распускали им волосы и тщательно прощупывали каждый шов. Они даже шпильки для волос осматривали на просвет — не полые ли они внутри, не спрятан ли там клочок бумаги.

Несколько седовласых старцев-соискателей, не выдержав унижения, громогласно проклинали придирчивых служак. Е Сяои весело хрустел семечками, наблюдая за этим зрелищем. Когда же подошла его очередь, стражник едва коснулся его одежды для проформы и, даже не проверив пояс, дружелюбно кивнул, пропуская внутрь.

«Вот это я понимаю — привилегии!» — весело подумал Е Сяои. Он даже мысленно посочувствовал беднякам из сектора «Земля».

Настроение у него было превосходное, пока он не добрался до своей кабинки под номером триста пятьдесят семь. Стоило ему заглянуть внутрь, как улыбка мгновенно сползла с его лица.

«Проклятье! Почему прямо за стеной находится уборная?!»

В павильоне собралось несколько сотен человек. Сколько раз за день они побегут справлять нужду? Постоянное шарканье ног под дверью сведет с ума кого угодно, а уж о тошнотворном амбре и говорить нечего. А если у кого-то приключится расстройство желудка?..

Провести в этом зловонном тупике четыре дня казалось изощренной пыткой. Да он просто задохнется здесь раньше, чем успеет написать первую строчку!

Недолго думая, Е Сяои решил прибегнуть к проверенному средству. Скорчив страдальческую мину, он разыскал префекта и слезным голосом пожаловался на внезапный приступ удушья, уверяя, что резкие запахи для него смертельно опасны.

Ловким движением фокусника он скользнул из рукава в ладонь чиновника великолепный кусок хотанского нефрита и прошептал угасающим голосом:

— Ваше превосходительство, мне вовсе не нужно чужое место. Позвольте мне примоститься где-нибудь неподалеку от вас, дабы напитаться вашей благодетельной энергией?

С подобной наглостью префект Янчжоу сталкивался впервые. Он недоуменно нахмурился:

— Но здесь же нет навеса. Что ты будешь делать, если пойдет дождь или поднимется ветер? Как выдержишь целый день под палящим солнцем? И где собираешься спать ночью?

Е Сяои указал на раскидистое фениксовое дерево, росшее посреди двора:

— Позвольте мне устроиться под этим деревом. Вашему покорному слуге, привыкшему к крестьянскому труду, не привыкать к тяготам — ночью я могу устроиться прямо на ветвях. А если начнется ненастье, я тут же вернусь в павильон. Смиловитесь, господин!

В этот момент в рукав префекта скользнул второй кусок первоклассного нефрита. Чиновник мысленно ахнул: у этого мальчишки хотанский камень дома вместо булыжников на дороге валяется, что ли?

Взвесив все за и против, префект решил, что ссориться с настолько богатым семейством не имеет никакого смысла. Он снисходительно махнул рукой, давая согласие.

В первый же день экзамена в секторе «Небо» развернулась поистине удивительная картина: пока сотни соискателей томились в узких, похожих на паланкины кабинках, белоснежный силуэт юного книжника красовался под сенью могучего фениксового дерева.

Среди стражников тут же пошел слух, будто один из одаренных учеников внезапно занемог и не смог выносить духоту закрытого помещения, а великодушный префект, проявив отеческую заботу, лично разрешил ему работать в прохладной тени.

Префект Янчжоу оказался мастером плетения интриг и создания нужного мнения о себе. Не успел закончиться первый день испытаний, как слухи о его небывалом милосердии разлетелись по всему городу. Стражники наперебой пересказывали эту историю томящимся у ворот родственникам, превознося чиновника, который печется о чужих детях как о собственных.

Благодаря этой уловке префект снискал славу мудрого и доброго правителя, а имя Е Сяои оказалось на устах у всех соискателей сектора «Небо».

Скрыться от чужих глаз Е Сяои теперь не мог при всем желании: его утонченная, яркая внешность и без того привлекала внимание, а уж устроившись на самом виду, он и вовсе стал

местной достопримечательностью. Даже дежурные стражники, пронесившие мимо доски с заданиями, всякий раз задерживались перед «немоощным» юношей, давая ему возможность без суеты переписать текст.

Е Сяои в ответ одаривал их бледной, благодарной улыбкой, после чего неторопливо брался за кисть. Времени было предостаточно, поэтому для начала он решил опробовать казенный инструмент на черновике.

Казенная кисть, разумеется, не шла ни в какое сравнение с дорогими инструментами из его домашней коллекции. Е Сяои нужно было прочувствовать упругость волоса, понять, насколько послушно ложится тушь и не станет ли кончик расщепляться при быстрых росчерках.

Канонические тексты требовалось воспроизводить по памяти, и каллиграфия играла здесь решающую роль. Если сотня соискателей напишет текст без единой ошибки, итоговое распределение мест будет зависеть исключительно от красоты и изящества иероглифов. Именно безупречный почерк отделял победителя от безликой массы аутсайдеров.

Потому-то книжники былых времен и предавались столь неистовому изучению каллиграфии. Казалось бы, письменность — лишь способ передачи мыслей, и достаточно писать разборчиво. Но когда на одно место претендуют тысячи, приходится доводить до совершенства каждую черту.

Е Сяои понимал, что его личная подготовка в изысканных стилях оставляет желать лучшего, поэтому решил не мудрить. Он сделал ставку на строгий уставной почерк — кайшу, надеясь противопоставить его лаконичную простоту вычурным изыскам соперников.

Оставалось лишь молиться, чтобы среди экзаменующихся не оказалось признанных гениев каллиграфии. Три года подряд Е Сяои посвящал уставному почерку по два часа каждый вечер, тренируясь порой с закрытыми глазами. За две тысячи ночей набралось без малого четыре тысячи часов упорного труда. Теперь его иероглифы ложились на бумагу с точностью печатного станка. Простым смертным превзойти его было не под силу, и в этом он был уверен твердо.

Конечно, если среди соперников объявится новый Ван Сичжи, тягаться с ним будет бессмысленно — в таком случае оставалось уповать лишь на феноменальную память.

Задания по цитированию канонов на этот раз оказались на порядок сложнее уездных. Там экзаменаторы ограничились тремя известными отрывками, здесь же раздел «цзинь» затянулся на целый день. Мало того что объем текстов увеличился, так еще и вопросы касались таких дремучих трудов, как «Книга преданий» и три комментария к летописи «Вёсны и осени».

К счастью, организаторы проявили некоторую снисходительность: соискателям предлагался выбор из двух вариантов, из которых нужно было воспроизвести лишь один.

За день глашатаи сменяли доски пять раз, предложив в общей сложности десять отрывков. К радости Е Сяои, он помнил наизусть каждый из них. Чтобы продемонстрировать глубокие познания и компенсировать возможные огрехи в каллиграфии, он намеренно выбирал самые сложные и малоизвестные тексты.

Второй день был посвящен сочинению. Тема оказалась на удивление близкой — «Ода Цзянду».

Цзянду — это древнее название Янчжоу, так что задание напоминало обычное школьное эссе о родном крае объемом в пару сотен слов. Трудность заключалась в жанре: от соискателей требовалось написать полноценную «фу» — ритмическую прозу. Это означало строгую рифмовку, выверенное чередование тонов, безупречный параллелизм и обилие изысканных тропов.

Подобные произведения рождались лишь в муках: фразы приходилось кроить, переставлять местами и шлифовать часами. Надеяться написать оду с ходу, без единой помарки, мог разве что безумец.

Создать лаконичный текст в этом жанре для Е Сяои не составляло труда, но чтобы выделиться на фоне тысяч других работ, требовался неординарный замысел.

Большинство экзаменующихся наверняка пойдут проторенным путем: возьмут за основу структуру классических географических справочников, перечислят великих уроженцев Янчжоу, упомянут ключевые исторические вехи и живописные уголки. Затем добавят несколько дежурных фраз о благополучии местных жителей, нравах, богатстве рынков и смене времен года. Так набрать нужный объем слов было проще всего.

В финале непременно последует патетический вывод о безграничной любви к отчим краям, гордости за великое прошлое и страстном желании послужить на благо родной земли.

Все это было слишком предсказуемо и скучно. Чтобы сокрушить соперников, следовало найти принципиально иной посыл. Ведь глубина мысли определяет выбор деталей и ракурс повествования.

Смысловое ядро — вот что делает текст по-настоящему живым.

Е Сяои долго кусал кончик кисти, перебирая варианты, способные поразить экзаменаторов до глубины души. Наконец его осенило. Тема должна звучать так: «Здесь я родился, здесь возмужал; земля эта взрастила меня, и верность моя династии не угаснет ни в земной юдоли, ни за ее чертой».

Подобный накал чувств не мог оставить равнодушным ни одного судью. Вряд ли кто-то из соперников решится на столь дерзкое и искреннее признание.

Определив главную мысль, он перешел к подбору образов. Требовалось показать, что баснословное богатство Янчжоу — не подарок небес, а плод неустанного труда простых людей. Нужно было воспеть незримую связь горожан со своим краем, их стойкость перед лицом невзгод и умение радоваться простым вещам.

В его воображении запестрели яркие картины: вереницы груженных телег, неспешные волю, нарядные павильоны и резные мосты. Сами собой складывались поэтические образы — оживленные улицы, бесконечные изумрудные берега, поросшие ивами, и вечерние огни, рассыпающиеся искрами.

Постепенно хаос мыслей обретал гармоничную форму. Текст выстраивался по канону: величественный исторический экскурс сменялся сочным описанием здешней жизни и завершался высокой клятвой верности.

Примерно к трем часам пополудни сочинение было полностью завершено.

Отложив кисть, Е Сяои размял затекшие пальцы и огляделся по сторонам. К его удивлению, никто в секторе «Небо» не спешил сдавать свитки раньше срока.

«Что ж, не буду лезть вперед батьки в пекло», — решил он.

Вместо этого он принялся тщательно выверять рифмы, заменяя отдельные слова более благозвучными синонимами, и покинул павильон лишь в сумерках, вместе с основным потоком соискателей.

Третий день принес долгожданные вопросы по военной стратегии.

Е Сяои, изрядно уставший за предыдущие два дня, не стал изобретать велосипед и подробно расписал заранее подготовленный план ведения войны малыми силами.

Выходя за ворота павильона, он с удовлетворением размышлял: «Уж на этом-то экзамене я точно должен быть первым. Вопросы по стратегии угадал, оду написал с душой, да и в цитировании канонов выбрал самые заковыристые куски. Навряд ли кто-то жаждал победы сильнее, чем я».

В день оглашения результатов Е Сяои с разбегу запрыгнул на Мо Юэ, крепко обхватив его руками и ногами:

— Ха-ха-ха! Я первый! Первое место мое!

Мо Юэ легонько ущипнул его за щеку и с улыбкой спросил:

— И стоило из-за этого так скакать?

Утихомирив первый порыв радости, Е Сяои смущенно потер нос и сполз на пол:

— Еще бы! Если я завоюю первенство и на следующем этапе, меня автоматически допустят к провинциальному экзамену в этом году. Не придется ждать долгих три года!

Мо Юэ снова притянул его к себе, ласково расправил складки на его одежде и негромко заметил:

— К чему такая спешка с получением звания чжуанюаня? Ты ведь понимаешь, что из-за слишком юного возраста тебе все равно не дадут чиновничью должность? Государь в таких случаях обычно велит обождать несколько лет, и даже за лучшую работу тебя вряд ли назовут победителем дворцового экзамена.

Е Сяои высокомерно хмыкнул:

— Это мы еще поглядим. Если я соберу все титулы малого и большого триединства и одержу пять побед подряд, у него просто не останется выбора. Не назвать меня чжуанюанем в шестой раз — значит во всеуслышание заявить, что император предвзято относится к молодым талантам. Разве он пойдет на такой позор?

На этот раз Мо Юэ расхохотался от души. Он нежно коснулся лица юноши:

— Не зря я тратил на тебя время. Твоей дерзости можно только позавидовать! Что ж, твой учитель будет с нетерпением ждать твоей триумфальной шестой победы.

— Вот и увидишь! — уверенно кивнул Е Сяои.

После восьми пройденных туров Е Сяои наконец почувствовал вкус победы. Времени на экзаменах всегда давали с избытком, что позволяло ему тщательно взвешивать каждый шаг и находить уязвимые места соперников.

В каллиграфии он, возможно, и не был непревзойденным мастером, но его безупречный уставной почерк гарантировал, что придраться к тексту не сможет даже самый привередливый экзаменатор.

Что касается заучивания канонов — за вычетом некоторых устаревших фрагментов, «Тринадцатикнижие» отскакивало у него от зубов. Если только судьи не решат прибегнуть к совсем уж иезуитским уловкам, высший балл ему был обеспечен.

Основное же сражение всегда разворачивалось на поле словесности. Здесь требовался

индивидуальный подход, и торопливость могла погубить всю работу.

Из нескольких тысяч участников префектурного экзамена лишь первые пятьдесят счастливчиков получали право сдавать академический экзамен. Остальным выдавали скромные свидетельства туншэнов.

Получив подтверждение своих результатов, Е Сяои сразу же подал прошение на участие в следующем туре. Академический экзамен проводился в главных городах провинций, и поскольку Янчжоу как раз и являлся административным центром, юноше посчастливилось избежать утомительной дороги.

Соискателям же из остальных тридцати девяти городов префектуры пришлось спешно съезжаться в Янчжоу. Успешная сдача этого экзамена давала заветный статус сюэя.

Сяо Цянь и Е Фантянь поспешили поздравить Е Сяои с очередной блестящей победой, однако у виновника торжества не было ни минуты свободного времени для дружеских посиделок. Ему требовалось составить и выучить наизусть официальное представление — «Бяо».

В этом документе следовало подробно указать свое происхождение, имена родителей, заслуги предков и краткие биографические сведения, завершив все лаконичным описанием жизненных устремлений. Чем проще и строже звучал текст, тем меньше шансов было совершить досадную ошибку.

Дело в том, что перед началом академического экзамена десятку лучших выпускников префектурного этапа устраивали личное собеседование. Проводил его сам инспектор образования провинции — чиновник второго ранга, фигура чрезвычайно влиятельная и важная.

Если уездный судья имел лишь седьмой ранг, а префект — четвертый, то инспектор образования назначался лично императором из числа академиков Ханьлинь. Его статус приравнивался к императорскому уполномоченному, а авторитет был непререкаем.

И чем недостижимее казалась эта фигура, тем сильнее Е Сяои стремился завоевать ее расположение. Рекомендация от чиновника такого уровня открывала прямую дорогу к провинциальному экзамену. Это было куда надежнее и проще, чем обивать пороги местных чинуш, выпрашивая содействия.

Поэтому все последние дни Е Сяои проводил в бесконечных репетициях с Мо Юэ, готовясь к собеседованию так, словно ему предстояло предстать перед самим государем на дворцовом экзамене.

Узнав, что юноша заперся дома ради тренировок в красноречии, Е Фантянь чуть не лопнул от смеха. Он самолично явился в поместье, вытащил Е Сяои из-за стола и потащил в трактир:

— Хочешь научиться правильно разговаривать с сановниками и отвечать на вопросы императора? Твой старший брат с радостью поделится секретами! Не забывай, в конце концов, что я — обладатель почетного третьего места на прошлых столичных экзаменах.

К удивлению Е Сяои, Мо Юэ не стал препятствовать этой вылазке. С хитрой улыбкой он напутствовал своего ученика:

— Грех не воспользоваться такой возможностью. Е Фантянь прекрасно ориентируется в чиновничьих кругах. Расспроси его хорошенько о тонкостях придворного этикета.

«И насколько этот хлыщ надежен?» — засомневался Е Сяои, весьма скептически оценивая таланты Е Фантяня по части лести.

Вряд ли его успехи на службе были заслугой личного ума, а не влияния могущественного клана Е из Цзиньлина.

<http://bllate.org/book/18182/1760857>